

Nikolai Lukyanov
For a region a large museum is a status symbol, a way of consolidating the regional elites, an attraction point for tourists and a tool of competition with neighbours. In the 2000s, Russian regional centres made several attempts to raise new museum buildings as signal local landmarks. All of them related, in one way or another, to the presentation of their key resources; far from every such attempt was a success.

Bilbao Attempts
A little over a decade ago, a memorable event took place in one of the Russian regions as far away from the capital as any. The government of the Republic of Sakha (Yakutia) commissioned the French consulting company La Paz Group to devise a concept for the development of the World Mammoth Museum in Yakutsk. The La Paz Groups President Ludovic Lainé suggested that they build not merely a

museum as understood traditionally, but “an original centre of the Arctic peoples, a multifunctional research and tourist complex”. In 2006 the republic’s authorities announced an international competition for the architectural design of the museum building.

The concept evolved by Lainé and his co-author Gilles Picot, consultant for museum business of the French Ministry of Research, directly stated that the project under development ought to present regional history and culture by means of contemporary architecture. The competition was won by the American architect Thomas Leeser, who heads the New York based Leeser Architecture design bureau. He proposed a very vivid, original and memorable museum image. According to Leeser himself, the white high-tech building he conceived “looked a little like an animal or animal herd”. His museum design looked most of all like an imaginary prehis-

toric monster in outline resembling a dinosaur with many paws and tusks. In addition to being an exhibition venue, the museum was to become a centre of research into northern ecosystems and permafrost. Had they started construction, it might have become the world famous visual symbol of the land of diamonds.

Leeser and his bureau won in a truly fierce competition with notable professionals, such as Antoine Predock and Massimiliano Fuksas. The competition results received broad coverage in architectural publications the world over, but Leeser had not any chance to sign the contract. The 2008 crisis postponed the museum construction project indefinitely.

Almost simultaneously, the authorities of the Perm Territory with Governor Oleg Chikunov at the head had a similar idea to raise the status of their region by setting up a unique “wonder-museum”. The local Art Gallery with an outstanding collection of

the wooden sculpture, long in want of a new building, found itself in the centre of public attention. Having in mind to call an international tender for its design, the regional ministry of culture turned for assistance to the Moscow Centre of Contemporary Architecture (CCA). Dieter Bogner, an Austrian museologist who had authored over 15 similar projects for European and American museums, worked out a general concept for the development of the Perm Art Gallery.

The terms of the CCA-called competition made public in early April 2007 stated unambiguously: “The new museum should become a city brand, a visiting card of the city and region, like the Guggenheim Museum in Bilbao by Frank Ghery”. There were unexpectedly many aspirants to tackle that challenge: 320 design bureaus from 50 countries applied to take part. World celebrities, including Arata Isozaki of Japan, Ben van Berkel of the Netherlands, the Swiss

architect Peter Zumthor and Director of the Austrian Museum of Applied Arts Peter Noever, sat on the competition jury.

Upon the portfolio selection results 25 teams, including several superstars of world renown, such as Zaha Hadid and Eric Moss, continued to compete. The competition results were unexpected: the winners were two designs by the then little known Muscovite Boris Bernaskoni and Valerio Olgiati of Switzerland. Zaha Hadid came only third. The jury left the final choice to the client.

The main competition intrigue was the jury’s rejection of the initial idea of a “new Bilbao” in the Urals. From the outset, the most authoritative jury member, Zumthor, voiced disagreement with the main clients’ intention to take as a model “an amusement museum” of the type of the Guggenheim Museum. He and Noever, who sided with him, ensured support for precisely those projects in which

bright visual imagery was not an end in itself and which would appeal not only to the viewers’ emotions, but also to their intellect.

Olgiati’s design perplexed Russian architectural critics. Grigory Revzin saw in it a “district Party committee building of the 1970s with characteristic concrete ornaments poised on one leg in the manner of a torchiere floor lamp”, and Sergey Khachaturov “a Chinese pagoda and a wooden étagère all in one”. Nevertheless, Zumthor described his compatriot’s design as impassioned and thought-provoking: according to him, it was “a European view of Russian expressionism”, a view of the history of Russian architecture with a rethinking of its traditions.

The situation with Bernaskoni’s design was much simpler: although sticking to minimalist traditions, it looked just as eccentric. The white parallelepiped the young architect conceived was not only wedged into

the Kama bank slope, but was also supposed to be pierced by the Trans-Siberian railway line.

Perm itself met the competition results with a public outcry, and in June 2008 Governor Chirkunov cancelled them on account of the winners’ failure to comply with some of the endorsed terms. The economic crisis, which struck two months later, caused the regional authorities to take a long pause.

In early 2012, the story with the aborted Bilbao in Perm had an unexpected continuation, when on 29 January the government of the Perm Territory signed an agreement with the Zumthor & Partner architectural bureau on a new design for the Perm Art Gallery complex. Later that year the former competition jury chairman Peter Zumthor presented his design to a large Perm audience with the participation of the territory’s new governor Viktor Basargin. Zumthor described his idea to give the museum the sym-

bolic shape of a ship with panoramic windows and align it with Cathedral Square. Although heated debates ensued, the official portal of the Perm Legislative Assembly reported that the architect nevertheless succeeded in defending his design.

However, in September 2013 the new leaders of the Perm Territory decided to drop Zumthor’s services, citing the technical complexity and inordinate construction costs of the project. A little later, there appeared the idea to accommodate the gallery evicted from the city cathedral in the historical buildings which belonged to the Military Command Engineering School (VKIU) and before that to a theological college. Despite the big changes in the region, they could not avoid inviting distinguished foreigners. That time the British Casson Mann Designers, who specialise in reconstructing and repurposing historical buildings, were assigned the role of “world stars”.

Bilbao... or Closer to the Landscape?

Museums in the Russian Regions: Projects and Realisation

Бильбао... или ближе к ландшафту?

Музеи в российских регионах:

проекты и реализации

Николай Лукьянов
Крупный музей для региона— символ престижа, способ консолидации элит, инструмент привлечения туристов и конкуренции с соседями. В 2000-е годы в региональных центрах России предпринималось несколько попыток построить новые музейные здания, претендующие на роль яркой достопримечательности. Все они так или иначе были связаны с презентацией ключевых ресурсов территории, в том числе и средствами архитектуры. Далеко не все попытки увенчались успехом.

Попытки Бильбао
Чуть больше десяти лет назад в одном из самых отдаленных от столиц регионов России произошло знаменательное событие. Правительство Республики Саха (Якутия) заказало французской консалтинговой компании La Paz Group разработку концепции развития Всемирного музея мамонта в Якутске. Глава La Paz Group Людовик Лэне предложил создать не просто музей в традиционном понимании, а «своеобразный центр арктических народов», научно-исследовательский и туристический комплекс полифункционального назначения. В 2006 году власти республики объявили о проведении международного конкурса на разработку архитектурного проекта здания музея.

В концепции Л. Лэне и его соавтора, консультанта по музейному делу Министерства исследований Франции Жюль Пико, прямо указывалось, что создаваемый объект должен представлять историю и культуру региона средствами современной архитектуры. В конкурсе, завершившемся летом 2007 года, победил архитектор Томас Лизер, возглавляющий нью-йоркское проектное бюро LEESER Architecture. Он пред-

ложил очень яркий и самобытный, хорошо запоминающийся образ музея. По словам самого Т. Лизера, задуманное им белое хайтековское здание «выглядит немного как животное или стадо животных». Более всего его музей напоминает невиданное доисторическое чудовище с контурами динозавра и множеством лап и бивней. Музей должен был служить не только как выставочное пространство, но и как научно-исследовательский центр по изучению северных экосистем и вечной мерзлоты. Если бы его строительство началось, он мог бы стать всемирно известным визуальным символом края алмазов.

Томас Лизер и его бюро одержали победу в действительно острой творческой конкуренции: в конкурсе на проектирование Всемирного музея мамонта участвовали такие именитые профессионалы, как Антуан Предок и Массимилиано Фукасас. Итоги конкурса широко освещались в ведущих мировых архитектурных изданиях, но контракт на реализацию проекта с Лизером так и не был заключен. Из-за кризиса 2008 года начало строительства музея было отодвинуто на неопределенное время.

Почти одновременно с Якутией аналогичный замысел поднять статус своего региона благодаря созданию уникального «чудо-музея» предприняли власти Пермского края во главе с губернатором Олегом Чиркуновым. В центре всеобщего внимания оказалась Художественная галерея с выдающейся коллекцией пермской деревянной скульптуры. Необходимость построить новое здание была связана с предстоящим выселением музея из Спасо-Преображенского собора, где он находился много десятилетий. Задумав организовать международный конкурс, региональное министерство культуры обратилось за содействием к московскому Центру современной

архитектуры (ЦСА). Общую концепцию развития Пермской художественной галереи подготовил австрийский музеолог Дитер Богнер, автор более 15 аналогичных программ для музеев Европы и Америки.

Условия объявленного ЦСА конкурса, обнародованные в апреле 2007 года, формулировались четко и недвусмысленно: «Новый музей должен стать городским брендом, визитной карточкой города и края, таким же, как музей Гуггенхайма в Бильбао Фрэнка Гери». Желающих попробовать решить столь нетривиальную задачу оказалось неожиданно много: документы для участия в творческом состязании поступили от 320 проектных бюро из 50 стран. В состав жюри конкурса вошли известные мировые архитекторы: Арата Исодзакки из Японии, Бен ван Беркель из Нидерландов, швейцарец Петер Цумтор, а также директор венского музея прикладного искусства (МАК) Петер Ноever.

По итогам отбора портфолио борьбу за победу в конкурсе продолжили 25 команд с участием нескольких звезд мирового значения, включая Заху Хадид и Эрика Мосса. Итоги соревнования оказались неожиданными—победившими объявили сразу два проекта, выполненные малоизвестными в то время авторами, москвичом Борисом Бернаскони и швейцарцем Валерием Ольджати. Заха Хадид завоевала всего лишь третье место. Сделать итоговый выбор жюри передоверило заказчику.

Главная интрига конкурса заключалась в отказе жюри от изначальной идеи уральского «нового Бильбао». Самый авторитетный из участников «судейской коллегии», Петер Цумтор, с самого начала осудил желание основных заказчиков взять за образец «музей-аттракцион» гуггенхаймовского типа

> Competition project of World Mammoth + Permafrost Museum Russia by LEESER Architecture, 2007
Конкурсный проект Всемирного музея мамонта и вечной мерзлоты в Якутске бюро LEESER Architecture, 2007 г.

In March 2015, the regular Perm Public Forum summed up the preliminary results of the endeavours of Dinah Casson and her colleagues. The London-based bureau director suggested that the back part of the former barracks be rebuilt, their facade modernised and a new exhibition facility built at the site of the VKIU sports school. Although approved, the idea turned out to be too expensive. In November, the territorial government commissioned the Moscow-based

PSK-Tekhnologia Company to work out design specifications and estimates for the reconstruction project and the addition of the VKIU building purchased for the gallery. This March it became known that another (sixth) floor would be added to the building of the former barracks.

We are yet to see the end of this long story. One thing is clear: Perm differs from many other Russian cities by a high level of public self-consciousness and an impressive number

< Left to right: Perm Region minister of culture Boris Milgram, architects Boris Bernaskoni and Peter Zumthor and the region's governor Oleg Chirkunov
Слева направо: министр культуры Пермского края Борис Мильграм, архитекторы Борис Бернасconi и Петер Цумтор, губернатор края Олег Чиркунов

в чистом виде. Цумтор и поддержавший его Петер Ноевер добились победы именно тех проектов, где яркость зрительных образов не становилась самоцелью, обращаясь не только к эмоциям, но и к интеллекту зрителей.

Работа В. Ольджати была воспринята российскими архитектурными критиками с недоумением. Григорий Ревзин увидел в ней «семидесятичный райком с характерными бетонными орнаментами, поставленный на одну ногу на манер торшера», а Сергей Хачатуров— «одновременно китайскую пагоду и деревянную этажерку». Тем не менее П. Цумтор отнес проект своего соотечественника к числу пассионарных и заставляющих думать: по его словам, это «европейский взгляд на русский экспрессионизм», взгляд в историю русской архитектуры с переосмыслением ее традиций. С проектом Б. Бернасconi все выглядело проще—он был выдержан в традициях минимализма, но воспринимался не менее эксцентрично. Задуманный молодым архитектором белый параллелепипед музейного здания вклинивался в прибрежный склон над Камой, и при этом через него предполагалось пропустить ветку Транссибирской железнодорожной магистрали.

В самой Перми результаты конкурса вызвали общественное недовольство, и в июне 2008 года губернатор О. Чиркунов объявил об их аннулировании на основании несоблюдения авторами-победителями некоторых из утвержденных условий. Наступивший через два месяца экономический кризис заставил власти региона выдержать долгую паузу.

В начале 2012 года история с несостоявшимся пермским Бильбао получила неожиданное продолжение—29 января в Цюрихе был подписан договор между правительством Пермского края и архитектурным бюро Zumthor & Partner

of active residents ready to take a constructive part in resolving complicated urban development problems. The idea of producing a vivid architectural symbol for the city has not been discredited and there are grounds to expect that it would be fulfilled under more auspicious circumstances.

Weapons and Resources International competitions and cooperation with world celebrities rarely benefit Russia. Practice shows that having local architects build a museum works far better. Interestingly, the few projects that have materialised are closely associated with military glory or natural wealth.

A famous arms-making city, Tula, got an idea of the new building for the Russia's oldest Weapons Museum way back in 1996, by the Tula architects Lyubov Bedoina, Pavel Shatokhin and Viktor Zhezhoma. The new monumental space was shaped like the ancient Russian helmet,

which can also be associated with the tent of Eurasian nomads and the cartoon spacecraft of extraterrestrials. Construction started in 2000 and lasted 12 years. The exhibition space of the renovated museum was designed in 2013 by the well-known Moscow artist Alexander Konov. As the RF culture minister Vladimir Medinsky said at the presentation, "there is every opportunity to make the world's best weapons museum on the basis of the Tula museum". Today it is more a federal than a regional project, but for Tula the Weapons Museum became a key element in shaping a modern tourist cluster in the city centre.

Another weapons city, Izhevsk, has got its museum laying claim to the status of signal landmark in 2004. Named after M. T. Kalashnikov, the designer of the world-known submachine-gun, the museum is devoted to the 200-year history of weapons-making in the Udmurt Republic. The

▲ Wining project in the competition for the new building of Perm Art Gallery by Valerio Olgiati
Проект-победитель в конкурсе на новое здание Пермской художественной галереи авторства Валерио Ольджати

▼ Project of Perm Art Gallery by Zaha Hadid that took the 3rd prize
Проект Пермской художественной галереи Захи Хадид, занявший 3-е место

▲ Project of Perm Art Gallery by Boris Bernaskoni that shared the first place with Valerio Olgiati
Проект Пермской галереи авторства Бориса Бернасconi, разделившего с Валерио Ольджати первое место

о разработке нового проекта комплекса Пермской художественной галереи. В конце того же года бывший председатель конкурсного жюри Петер Цумтор представил свой проект широкой пермской аудитории с участием нового губернатора края Виктора Басаргина. Он рассказал о своем замысле придать музею символическую форму корабля с панорамными окнами, вписанного в створ Соборной площади. Обсуждение проходило сложно, однако официальный портал пермского Законодательного собрания сообщал тогда, что архитектору все же удалось защитить свой проект.

Тем не менее в сентябре 2013 года новое руководство Пермского края приняло решение отказаться от услуг швейцарца, мотивируя свой выбор технической сложностью и излишне высокой стоимостью реализации проекта. Чуть позже возникла идея переселить галерею в комплекс зданий, принадлежавший Военно-командному инженерному училищу (ВКИУ), а еще ранее—духовной семинарии. Несмотря на произошедшие в регионе большие перемены, без приглашения именитых иностранцев снова не обошлось. На этот раз в роли мировых звезд оказалось британское бюро Casson Mann Designers, специализирующееся на реконструкции и перепрофилировании исторических зданий.

В марте 2015 года предварительные итоги работы Дины Кассон и ее коллег были представлены на очередном неформальном форуме пермской общественности. Директор лондонского бюро предложила перестроить заднюю часть быших казарм, осовременив при этом их фасад, и возвести новое экспозиционное здание на месте спортшколы училища. Идея была поддержана, однако оказалась слишком дорогостоящей. В ноябре новый конкурс на разработку проектно-сметной

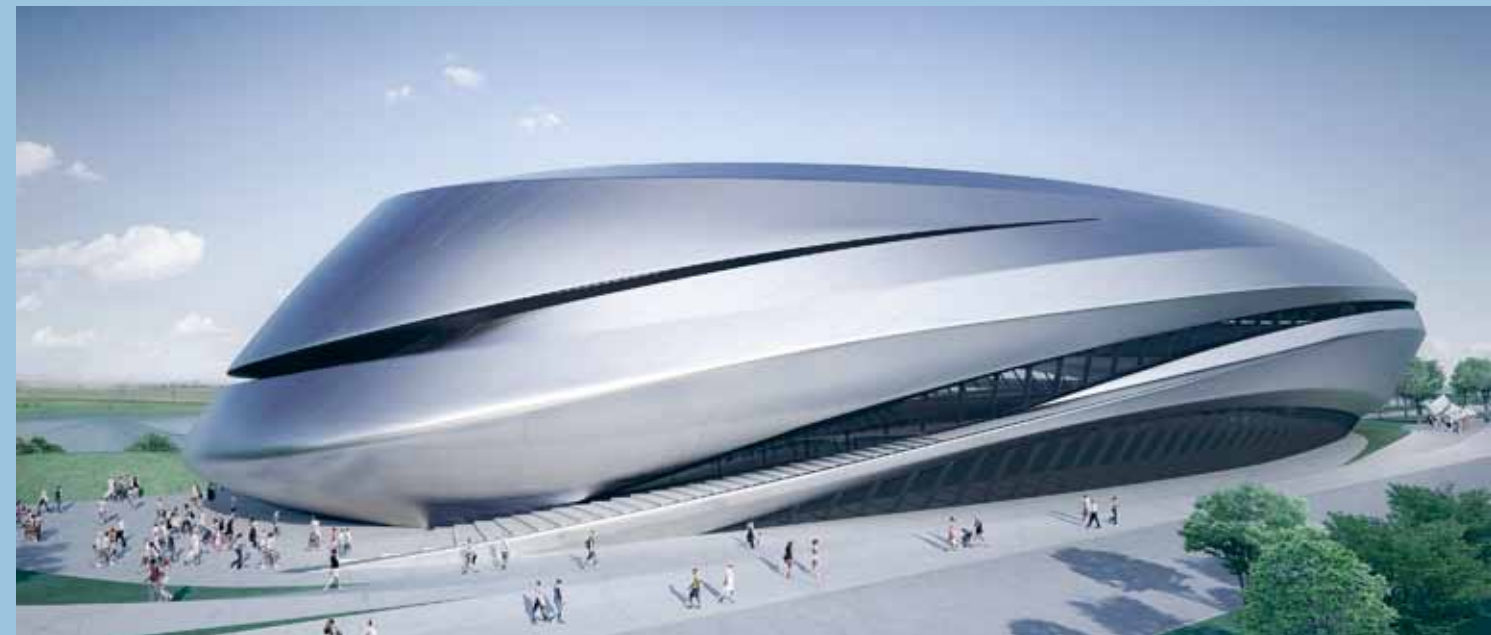
документации по реконструкции корпуса ВКИУ выиграла московская компания «ПСК-Технология». В марте этого года стало известно, что здание бывшей казармы будет надстроено новым, шестым этажом.

Итог всей этой истории пока окончательно не подведен. Очевидно одно: Пермь отличается от многих других российских городов очень высоким уровнем общественного самосознания и наличием немалого количества инициативных горожан, готовых конструктивно участвовать в решении сложных

градостроительных проблем. Идея создания яркого архитектурного символа города отнюдь не дискредитирована, и есть основания ожидать, что при более благоприятных обстоятельствах она снова будет востребована.

Оружие и ресурсы

Международные конкурсы и сотрудничество с иностранными звездами редко приносят в России свои плоды. Как показывает практика, гораздо проще построить здание музея силами

Борис Бусоргин/Boris Busoragin

specifics of the weapons industry dictated certain rules of the game, which precluded the involvement of foreigners. A native of Izhevsk, Pavel Fomin, chief architect of the Prikam-promproekt Institute, authored the building. Moscow's Laboratory for Museum Research and Design under Alexei Lebedev developed the exposition concept.

The architect clearly wanted to avoid excessive pathos. The most remarkable feature in the building exterior is the portal emphasised with the green of the long bearing columns with the tent above: from a certain point it looks like the open maw of an amphibian reptile. In the 19th century the best gunsmiths of local factories were rewarded with special green long-skirted kaftans (overcoats), and the nickname "Izhevsk crocodiles" became common and eventually began to apply to all the city residents.

Russia's "oil capital", Khanty-Mansiisk, saw a veritable museum

boom at the turn of the millennium. A drastically rebuilt Museum of Nature and Man opened there in December 2005. The author of the reconstruction project, the Tobolsk architect Alexei Belousov, received the silver medal of the Zodchestvo-2004 Festival for his effort. A year earlier, in 2003, the construction of the Museum of Geology, Oil and Gas was completed. The initiator of the project was the governor of the Khanty-Mansi Autonomous Area, Alexander Filippenko, and the authors of the general concept the well-known mineralogist Vladimir Shpilman and geophysicist Leonid Kabaev. At Shpilman's suggestion a semblance of a huge crystal was mounted atop the central part of the two-storey building as the principal "identification mark" of the museum. A team of Moscow architects under Vladimir Kolosnitsyn executed a detailed design. The Swiss journal Structural Engineering International (SEI) listed it among the

▲ Museum named after M. T. Kalashnikov in Izhevsk, architect—Pavel Fomin
Музей им. М. Т. Калашникова в Ижевске, архитектор—Павел Фомин

▼ Museum of Nature and Man in Khanty-Mansyisk, architect—Alexey Belousov
Музей природы и человека в Ханты-Мансийске, архитектор—Алексей Белоусов

> Project of the Museum of World Ocean in Kaliningrad by KB VIPS
Проект Музея Мирового океана в Калининграде, выполненный КБ ВИПС

местных архитекторов. Любопытно, что немногочисленные реализованные проекты тесно связаны или с воинской славой, или с богатством природных ресурсов.

В знаменитом городе оружейников, Туле, проект нового здания для старейшего в России Музея оружия начали разрабатывать еще в 1996 году. Его авторами стали тульские архитекторы Любовь Бедоина, Павел Шадохин и Виктор Жежом. Новый монументальный объем получил контуры древнерусского шлема, вызывающего ассоциации и с шатром кочевых народов Евразии, и с мультипликационным летательным аппаратом инопланетян. Его строительство началось в 2000 году и продолжалось 12 лет. Проект экспозиции помещений обновленного музея был составлен известным московским дизайнером Александром Коновым. Выступивший на презентации министр культуры РФ Владимир Мединский отметил: «Есть все возможности, чтобы создать на базе тульского Музея оружия лучший оружейный музей в мире». Для самой Тулы Музей оружия стал одним из ключевых звеньев в формировании благоустроенного туристического кластера в центре города. В еще одном оружейном городе, Ижевске, музей с претензией на статус главной достопримечательности был построен в 2004 году. Музей, носящий имя изобретателя знаменитого автомата М. Т. Калашникова, посвящен двухвековой истории оружейного дела в Удмуртии. Специфика оружейной индустрии диктовала свои правила игры, исключая участие иностранцев. Автором здания Музея М. Т. Калашникова стал ижевчанин, главный архитектор института «Прикампропроект» Павел Фомин. Экспозицию разрабатывали в московской Лаборатории музейного проектирования под руководством Алексея Лебедева.

Архитектор явно стремился уйти от излишнего пафоса. Самое запоминающееся в экстерьере здания—это портал, акцентированный зеленым цветом длинных опор-колонок и поддерживаемого ими навеса. В определенном ракурсе он напоминает открытую пасть земноводной рептилии. В XIX веке отличившихся оружейников местных заводов было принято награждать особыми зелеными долгополыми кафтанами, благодаря которым прозвище «ижевские крокодилы» вошло в обиход и со временем распространилось на всех жителей города.

Настоящий музейный бум произошел на рубеже тысячелетий в «нефтяной столице» России Ханты-Мансийске. В декабре 2005 года там открылся радикально реконструированный Музей природы и человека. Автор проекта его капитальной реконструкции, тобольский архитектор Алексей Белоусов получил

Юрий Карачев/Юри Карачев

за эту работу серебряную медаль фестиваля «Зодчество-2004». Чуть раньше, в 2003-м, завершилось строительство Музея геологии, нефти и газа. Инициатором его создания был глава Ханты-Мансийского автономного округа Александр Филиппенко, а авторами общего замысла—известный ученый-минералог Владимир Шпилман и геофизик Леонид Кабаев. Именно В. Шпилман предложил сделать главным опознавательным знаком музея возвышающееся над центральной частью его двухэтажного объема подобие гигантского кристалла. Детальный проект здания разрабатывался группой московских архитекторов под руководством Владимира Колосницына. Швейцарский журнал Structural Engineering International (SEI) включил эту постройку в десятку наиболее оригинальных сооружений мира, возведенных в 2000–2003 годах в сложных природных условиях.

На другом конце страны, в Калининграде, в те же годы шло бурное развитие Музея Мирового океана, открывшегося в 1995 году. Изначально вся его экспозиция размещалась на судне «Витязь». Первое музейное здание было построено в 2003 году по проекту петербургского архитектора Валентина Гаврилова. Позже открылись две новые экспозиции в восстановленных портовых складских постройках. В дальнейшем в состав музейного комплекса вошли отреставрированные памятники старого Кенигсберга—Фридрихсбургские и Королевские ворота. С годами музей стал ведущим культурным учреждением региона и сумел добиться поддержки финансирования в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)».

В 2011 году был организован открытый конкурс на архитектурную концепцию нового главного здания Музея Мирового океана. Общая идея была сформулирована калининградским писателем Александром Попадиным: конкурсантам предложили найти художественный образ, ассоциативно связанный с двумя «самыми знаменитыми» кораблями в истории—Ноевым ковчегом и «Наутилусом» капитана Немо. Из одиннадцати присланных вариантов жюри отдало предпочтение проектной концепции петербургской мастерской Олега Романова. Детальный проект задуманного комплекса разрабатывался командой КБ ВиПС, также из Северной столицы, под руководством главного архитектора проекта Бориса Седакова.

По замыслу авторов, экспозиционный корпус «Планта Океан» будет построен в виде огромного светящегося шара, воспроизводящего вид Земли с орбиты космических кораблей. Шар будет огибать пластичная светопрозрачная

культура/culture

world’s top ten most original projects built in difficult natural conditions in 2000–2003.

During the same period at the other end of the country, in Kalinin-grad, the Museum of the World Ocean opened in 1995 was rapidly develop- ing. Initially the museum’s entire exposition was housed aboard The Vityaz vessel. The first and museum building was raised in 2003 to the design of the St Petersburg architect Valentin Gavrilov, followed by two more exposition facilities in restored historical waterfront warehouses. Eventually, two restored landmarks of old Konigsberg, the Fredericksburg Gate and the King’s Gate, became part of the museum complex. In a few years, the museum became the region’s leading culture institution and won support for its large-scale expansion through financing under the Federal Targeted Programme “Culture of Russia (2012–2018) ”.

In August 2011, an open competi-

tion for the architectural concept of the new main museum building was called. The Kaliningrad writer Alexan- der Popadin formulated the general idea: the contestants were to find an artistic image associated with two of history’s “most famous” vessels, Noah’s Ark and Captain Nemo’s Nauti- lus. Altogether eleven concepts were submitted and the panel selected the project of the St Petersburg architec- tural studio headed by Oleg Romanov. A team of the ViPS design bureau, also from St Petersburg, led by the project’s chief architect Boris Sedakov developed the detailed design of the complex.

According to the authors’ idea, the Planet Ocean exposition building will be created as a huge illuminated globe representing the view of Earth from the orbit of spaceships. A translucent “ocean wave” will go round the globe and across the entrance area before “rolling” into the interior. The “globe” is to become the impressive dominant

at the beginning of Peter the Great Embankment, where almost all the other buildings of the Museum of the World Ocean are located.

In spite of all the geopolitical, financial and other adversities, the complex is being built, although not as fast as initially planned. The Water Cube naval complex opened in August 2014, and in December 2015 the de- pository with the “Depth” exposition was unveiled and the near completion of foundation work at the site of the main building, the Globe, was an- nounced. The 40-metre frame of the Globe is to be erected by the end of this year, and the target for project completion is 2018.

 Unwanted Intrusion
I want to round off this narrative with an instructive story about the fate of yet another project. Unlike other similar cases, its total suspension by now can be considered an indubitable plus. In late 2012, it was announced

188

that work is over on the package of design documentation for a new build- ing of the Solovki Museum-reserve to house the museum’s administrative and research subdivisions, exposition halls, depositories and restoration workshops.

The architectural complex of the Solovetsky Monastery is a UNESCO World Heritage site protected by the Russian laws. Any new construction on its territory is actually illegal. Nevertheless, the federal Ministry of Culture by agreement with the Russian Orthodox Church took the arbitrary decision to go ahead with construction work. The design of the selfsame ViPS bureau provided for the construction of a three-storey building of about 6 500 sq. m just 200 metres away from the monastery walls. The architects did what they could to adapt the new project to the histori- cal context, yet the mimicry with the use of squatly outlines and the grey, white and green palette characteristic

of ancient monuments only made it look even more alien. Meanwhile, it was to become part of one of the main panoramic views of the Solovki, the one that opens up from the shore of Svyatoe (Sacred) Lake.

Construction work began in the spring of 2014, to the immediate out- cry of the expert community. In June of the same year the chair of the RF Public Chamber commission for cul- ture and preservation of historical and cultural heritage, Pavel Pozhigailo, the president of the Architects’ Union, Andrey Bokov, the chair of the heri- tage commission of the Public Council of the RF Ministry of Culture, Yuri Ven- denin, and other respected specialists strongly urged the culture minister Vladimir Medinsky to call off the proj- ect. In the same month the session of UNESCO’s International Council on Monuments and Sites (ICOMOS called for a revision of the Solovki develop- ment decisions. In November, the federal research and methodological

council of the RF Ministry of Culture passed its verdict. Its recommenda- tion was “to revise the architectural and development solution for the new building towards reducing its above- ground volume, height, and the scale and length of its front and making it discretionary with due regard for the spatial composition and layout that are typologically characteristic of the buildings and structures on the islands”.

In spite of the obviously scandal- ous situation, construction work at the ill-fated museum building lasted for almost another year. It was only in November 2015, following protracted negotiations between an ICOMOS expert, Prof. Todor Kristev of Bulgaria, and officials of the Arkhangelsk Re- gion and the Ministry of Culture, that the long-awaited decision to suspend the project was finally taken. Accord- ing to reports at that time, Kristev recommended that the part of the frame that had already been built be

«океанская волна», перекрывающая входную зону, а затем «вкатывающаяся» в интерьер. Здание-«глобус» должно стать эффектной доминантной в начале набережной Петра Великого, где расположены почти все остальные корпуса Музея Мирового океана. Несмотря на все геополитические, финан- совые и прочие трудности, комплекс реально строится, хотя и совсем не столь быстро, как предполагалось вначале. В ав- густе 2014 года был открыт Военно-морской центр «Куб воды». В декабре 2015-го вступило в строй фондохранилище с экспо- зицией «Глубина». Тогда же было объявлено, что на строитель- ной площадке главного корпуса, шара, завершаются работы нулевого цикла. К концу нынешнего года планируется построит ь сорокаметровый каркас здания-«глобуса». Окончание строительства намечено на 2018 год.

Непрошенное вторжение
Завершить нашу хронику хотелось бы очень поучительной историей еще одного проекта. Тот факт, что его реализация на сегодняшний день полностью остановлена, воспринимает- ся, в отличие от всех схожих ситуаций, с недвусмысленным знаком плюс. В конце 2012 года было объявлено о завер- шении проектной документации по строительству нового здания Соловецкого музея-заповедника, где будут разме- щены его административные и научные подразделения, экспозиционные залы, фондохранилища и реставрационные мастерские.

Архитектурный ансамбль Соловецого монастыря—охра- няемый российским законодательством объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. Любое новое строительство на его терри- тории противозаконно по сути. Тем не менее федеральное

Министерство культуры по согласованию с РПЦ приняло во- левое решение—новостройке быть. Проект, разработанный все тем же петербургским КБ ВиПС, предусматривал строи- тельство трехэтажного здания площадью около 6,5 тысяч квадратных метров, в 200 метрах от стен монастыря. Архи- текторы сделали все возможное, чтобы стилизовать ново- стройку под исторический контекст, однако внешняя мими- крия с использованием приземистых пропорций и той же серо-бело-зеленой цветовой гаммы, что и у старинных памятников, только подчеркнула эффект чужеродности но- вого объекта. При всем этом он должен был вписаться в одну из главных панорам Соловков, открывающуюся с берегов Святого озера.

Весной 2014 года начались строительные работы. Про- тесты среди экспертного сообщества последовали почти незамедлительно. В июне того же года председатель комис- сии Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия Павел Пожигайло, президент Союза архитекторов Андрей Боков, председатель комиссии по наследию Общественного совета Минкультуры РФ Юрий Веденин и другие авторитетные специалисты обратились к министру культуры Владимиру Мединскому с настоятельной просьбой «дать отбой». В том же месяце призыв пересмот- реть соловецкие градостроительные решения прозвучал от имени сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО (ИКОМОС). В ноябре свой вердикт вынес Федеральный на- учно-методический совет при Министерстве культуры РФ. Он рекомендовал «переработать архитектурно-градостроитель- ное решение нового здания, предусмотрев уменьшение его наземных объемов, высотности, масштаба и протяженности

фронта, придав ему дискретный характер с соблюдением типологически характерной для островной застройки объем- но-пространственной композиции и планировочной органи- зации».

Невзирая на очевидную скандальность ситуации, возведе- ние злополучного музейного здания продолжалось еще почти год. Лишь в ноябре 2015-го года, после длительных перегово- ров эксперта ИКОМОС, болгарского профессора Тодора Кри- стева с представителями Архангельской области и Минкуль- туры, долгожданное решение о приостановке проекта было, наконец, принято. По опубликованной тогда информации, Т. Кристев рекомендовал «завуалировать» уже построенную часть каркаса здания под ландшафт с последующим размеще- нием там фондохранилища. Кроме того, эксперт посоветовал реставрировать и музеефицировать сохранившиеся соловец- кие лагерные бараки и другие заброшенные исторические постройки.

В феврале 2016-го специализированная рабочая груп- па Минстроя РФ утвердила «Перечень мер по сохранению и развитию Соловецкого архипелага». В соответствии с этим документом, экспозиционно-административным зданием музея должна стать Преображенская гостиница, построенная перед стенами монастыря в 1860-е гг. На сегодняшний день, как пишет сайт solovki.info, она представляет собой трехэтаж- ные «мрачные руины, смущающие туристов». Теперь у нее и еще одной соловецкой гостиницы XIX века, Архангельской, появился, наконец, шанс на успешную «реинкарнацию». Это, пожалуй, самый позитивный итог не совсем завершенной ис- тории с пафосным начинанием четырехлетней давности, пре- вратившимся в недострой.

“camouflaged” as a landscape feature and subsequently be used to house the depository. In addition, the expert suggested that the surviving Solovki GULAG barracks and other abandoned historical structures be converted to museum use.

In February 2016, the specialised working group of the RF Ministry of Construction approved a “List of Mea- sures for the Preservation and Devel- opment of the Solovki Archipelago”. Under that document the former Preo- brazhenskaya guest house, built next to the monastery wall in the 1860s, was to become the museum’s adminis- trative and exposition building. Today, according to the solovki.info web-site, the house is “a three-storey grim ruin discomfiting tourists”. Now that build- ing and another guest house, Arkhan- gelskaya, dating to the 19th century, finally got a chance of effective “re- incarnation”. This must be the most welcome outcome of the not quite closed story of the ambitious 4-year-

old project, now yet another piece of unfinished construction.

The new museum buildings featured in this issue look a remark- able success against the general background. The two “out-of-town” museums, The Kulikovo Field and New Jerusalem, exemplify tactful work with the landscape and historical context. The Yeltsin Centre in Yekaterinburg turned an unpromising piece of mate- rial, an unfinished “mothballed” busi- ness centre, into an expressive image, and the successful exposition further exclaims the effective architectural solution. Moscow’s Hermitage project on the grounds of the former ZIL auto works has a chance of becoming one of the few projects by a world star in Russia, moreover, without govern- ment’s direct participation.

«загородных» музея, Куликово поле и Новый Иерусалим, демонстрируют опыт деликатной работы с ландшафтом

и окружающим историческим контекстом. Центр Ельцина в Екатеринбурге создает яркий образ из неблагодарного ма- териала—«замороженного» бизнес-центра, и эффективность ар- хитектурного решения многократно усиливается успехом экс- позиции. Проект московского Эрмитажа на территории ЗИЛа имеет шанс стать одной из немногих построек звезды первого ранга в России, причем без прямого участия государства.

189